

Module 3: Interview with Davey Alba (Russian)

[00:00:10] Здравствуйте, и добро пожаловать на наш MOOC «Освещение вакцин против COVID-19: что нужно знать журналистам». Я Мэрин Маккенна, ваш главный преподаватель. В этом видео я говорю с Дэйви Альбой, технологическим журналистом газеты New York Times, которая освещает дезинформацию в Интернете. Дэйви, спасибо, что присоединились к MOOC.

[00:00:28] Да, спасибо, что пригласили.

[00:00:30] Итак, давайте начнем вот с чего — можете ли вы объяснить, в чем ваша специализация?

[00:00:35] Конечно. Самый простой способ объяснить, что я делаю — я освещаю виральный Интернет. К сожалению, большая часть вирального контента из-за алгоритмов крупнейших онлайн-платформ, включая Facebook, Twitter и YouTube — это, как правило, ложная информация или ложные сенсации. Итак, я пишу о ложной информации и дезинформации.

[00:01:05] И если это будет полезно, мы можем поговорить о различиях между этими понятиями. Эта работа в основном затрагивает различные темы новостей. Так что в настоящее время вокруг пандемии обращается много ложной информации и дезинформации. В прошлом году был поток лжи и дезинформации о выборах, протестах за расовую справедливость и, в принципе, обо всех крупных новостных темах.

[00:01:38] Я хотела бы услышать ваши определения ложной информации и дезинформации.

[00:01:45] Конечно. Ложная информация (misinformation) распространяется без намерения, без преднамеренности и без знания о том, что это ложная информация.

[00:02:05] Если людей обманули, и они распространяют эту ложь в Интернете, это просто ложная информация. Дезинформация — это когда вы можете определить преднамеренность распространения информации. Например, если вы можете связать кампанию дезинформации с государственным субъектом — мы все слышали о российской кампании дезинформации во время выборов 2016 года.

[00:02:35] Это будет называться дезинформацией, потому что теперь мы знаем, что Россия намеренно вбрасывала ложную информацию о выборах в «воду» информационной экосистемы США.

[00:02:55] Мое личное определение совпадает с тем определением, которое вы нам только что дали, и это принесло мне огромное облегчение.

[00:03:02] Хорошо.

[00:03:07] Итак, можете ли вы описать для нас, как проводите свои исследования, когда пишете о ложной информации и дезинформации? Как вы доказываете, где правда?

[00:03:18] Да, мы стараемся соблюдать известные нам журналистские стандарты и напрямую обращаться к первоисточнику информации по любому вопросу, который мы пытаемся прояснить. Так, например, на последних выборах было много разных слухов, например, о бюллетенях, внезапно появляющихся ночью, о статистике голосов, которая меняется в одночасье. В таких случаях помогает напрямую обратиться в окружной совет по выборам и спросить их, почему изменилось количество голосов.

[00:04:09] Иногда это могло быть чем-то обыденным, вроде ошибки клерка. Иногда они просто вводят все данные одновременно. Обычно это очень примитивные объяснения, и обычно они очень далеки от сенсационных слухов в Интернете о повсеместном мошенничестве на выборах. И действительно, когда New York Times провела опрос в каждом штате, по сути, о том, было ли электоральное мошенничество, они не обнаружили такого мошенничества ни в одном штате.

[00:04:50] Вот что дала нам репортерская работа. По сути, вы обращаетесь непосредственно к первоисточнику и делаете все возможное, чтобы извлечь нужную вам информацию, но также нужно знать, что в зависимости от контекста и сбора информации источником эти вещи могут измениться. Например, в ходе полицейского расследования предположения, сделанные в начале, могут измениться по мере продолжения расследования.

[00:05:24] Поэтому важно, когда вы говорите с этими источниками, поместить всю информацию, которую вы сообщаете общественности, в контекст — это то, что мы знаем сейчас, может быть какая-то информация, которая до сих пор не известна. Это может быть, например, более авторитетное заявление через месяц. Весь этот внешний контекст очень важен и актуален для разговоров о ложной информации. Надеюсь, это было полезно.

[00:05:59] Можно ли что-то сказать, учитывая ваш опыт в этой теме, об основных типах ложной информации или дезинформации, связанных с пандемией?

[00:06:10] Да, за прошедший год мы наблюдали всплеск ложной информации и дезинформации о пандемии и, знаете, это охватывает целый ряд тем. Существуют кампании дезинформации, о которых мы писали, о вакцинах, например, когда Россия продвигает собственную вакцину, принижает и распространяет ложную информацию об эффективности других вакцин из других стран.

[00:06:50] Есть виральная ложная информация, обычно в виде видеороликов, которые мы видели в прошлом году, — люди, которые претендуют на экспертность, но у них нет научных степеней, должностей и опыта, о которых они заявляют. Один из примеров, о котором вы, возможно, слышали, — чрезвычайно виральное видео под названием «Пландемия» (Plandemic). В нем выступала исследовательница по имени Джуди Майковиц, которая еще до этого была дискредитирована.

[00:07:34] Много ложной информации этого типа, я бы сказала, согласуется с информацией движения против вакцинации. Некоторые такие вещи уже укоренились в различных онлайн-сообществах, и когда пришла эта пандемия, они смогли использовать ее для охвата еще большего числа людей своими идеями против вакцинации.

[00:08:06] И есть третья категория, это, скорее, просто ложная информация — тред в Twitter или пост, которые кажутся хорошей информацией, и вы, возможно, пытаетесь помочь своей маме или двоюродной бабушке узнать больше о коронавирусе и просто копируете какие-то вещи о видах лечения, к примеру.

[00:08:41] В начале пандемии были сообщения с симптомами коронавируса и о том, что нужно горячую воду — все подобные схемы лечения, о которых вы точно не знаете, откуда они появились, но выглядят они настоящими, так что вы распространяете их дальше. Но мое эмпирическое правило для таких вещей обычно таково: если вы сами точно не знаете, что это правда, лучше просто не распространяйте это. Лучше перебдеть, чем недобдеть.

[00:09:13] Итак, есть политическая дезинформация вокруг коронавируса, есть мошенники и эти предполагаемые авторитеты в области здравоохранения, которые на самом деле не имеют экспертизы, о которой заявляют, и есть этот третий тип ложной информации — непроверенные советы о здоровье.

[00:09:47] Я уверена, что вы необычайно заняты, и, вероятно, у вас не так много времени на чтение материалов других журналистов. Но когда вы видите, как распространяется ложная информация и дезинформация, видите ли вы какие-то особые ошибки или повторяющиеся ошибки журналистов?

[00:10:02] Да, конечно. Существует мнение, что когда вы пишете о ложной информации, вы как бы подпитываете ее кислородом. Есть отличная статья под названием «Кислород усиления» за авторством Уитни Филлипс, это отличный эксперт, которого я часто использую. Если у вас есть время посмотреть эту статью, это действительно будет полезно. Идея заключается в том, что когда вы освещаете ложную информацию, вы на самом деле передаете ее — вы как бы акцентируете внимание на ней.

[00:10:38] Таким образом, нужно быть осторожным в том, о чем вы решили писать и как вы формулируете определенные фразы. Если вы повторяете ложную информацию прямо в заголовке вместо того, чтобы сразу использовать, например, такие сигнальные слова, как «ложно» или «необоснованная идея», что помогает дать читателю мгновенный контекст даже в самом коротком предложении — это то, о чем вы должны подумать.

[00:11:17] С точки зрения усиления ложной информации я думаю вот о чем: стала ли эта штука виральной? Потому что опровергнуть ее будет полезно только в том случае, если это что-то, о чем люди уже слышали и чем интересуются. Полезно развенчать что-то подобное, но если это пока только нишевый слух, который только начинает распространяться, то, написав о нем, вы привлекаете к нему внимание и можете заставить людей задуматься — вдруг в этом что-то есть — и погрузиться глубже в кроличью нору разнообразных теорий заговора.

[00:11:57] Многие участники нашего курса — журналисты, но они относительно новички в освещении науки или здравоохранении, они были «призваны» освещать пандемию в прошлом году. И я думаю, многие из них испытывают трудности, думая, что у них нет опыта и знаний, чтобы опровергать некоторые вещи, которые они видят.

[00:12:22] Мне интересно — и это мой последний вопрос — есть ли у вас какие-либо советы журналистам, которые освещают COVID и вакцинацию и столкнулись с ложной информацией и дезинформацией вокруг кампании вакцинации? Что им важнее всего иметь в виду?

[00:12:38] Хммм, мне очень нравится этот вопрос, потому что я сама не эксперт в области здравоохранения, и мой опыт — в освещении технологий и платформ, того, как работают их алгоритмы, и освещения того, как эта динамика и системы могут создавать виральную ложную информацию.

[00:12:59] Но опять же, да, я сама не эксперт в области медицины и здравоохранения. Я часто сверяюсь со своими коллегами, которые работают в научном отделе и освещают это все каждый день. Поэтому я бы настоятельно призвала журналистов на этом курсе обратиться к своим сообществам — есть ли в них люди, которые ближе к теме, с которыми можно советоваться, чтобы убедиться в том, что у вас есть хороший контекст для статей о вирусе и вакцинах, и в том, что факты, на которых основан материал, — это действительно факты.

[00:13:44] И очевидно, что часть журналистской работы — это всегда работа с экспертами. Так что полагайтесь на это как ресурс и просто делайте все возможное. Иногда журналистика может быть очень сложной, и люди делают ошибки, но если вы честны и придерживаетесь миссии журналистской работы, которая состоит в том, чтобы быть точным и давать людям качественную информацию, в которой они отчаянно нуждаются в это время — я думаю, вы не можете слишком сильно ошибиться.

[00:14:26] Спасибо. Спасибо за ответ и спасибо, что присоединились к нашему МООС. Итак, это была Дэйви Альба, технологический журналист газеты New York Times. Я Мэрин Маккенна, ваш главный преподаватель. Спасибо, что посмотрели это видео, и увидимся в сети.